

306
1917 N

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 35 К. И НА СТ. 40 К.
РОЗН. ПРОДАЖЪ ЖЕЛ. ДОР.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 27

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917
ЮЛЬ

НОВАЯ 129 СТАТЬЯ.

Рис Рс-ми.

Большевикъ. — Рядовой Серягинъ! Вы обвиняетесь въ томъ, что въ ночь на 18-е іюня въ сообществѣ съ преступной организаціей, именующей себя Великой Арміей Русской Революціи внезапно напали на нѣмецкія войска, отдыхавшія на русской территоріи что приводитъ къ ниспроверженію существующаго серолъ въ Германіи...

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.,

выпускаемый на основаніи постановленія Временнаго Правительства
отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на бесплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 июля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ министромъ финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ.
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по $5\frac{3}{4}\%$ годовыхъ по срокъ 1 июля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ 75% номинальной суммы.

Т А М Ъ.

Гнилая осень. Дожди, туманы,
Изъ стѣнъ окопа вода сочится . . .
Съ головой укрыться шинелью рваной,
Тревожнымъ сномъ хоть на мигъ забыться!
Туманъ — затишье . . . Изрѣдка свистнеть;
Чуть слышный стонъ; спросишь: «Кого тамъ?»
Голова на грудь такъ безсильно виснеть . . .
Конецъ всѣмъ мытарствамъ и всѣмъ заботамъ.
Здѣсь всѣ предъ лицомъ внезапно-лютой
Кровавой смерти прекрасны, дивны,
Но не надо имъ славы, о нихъ раздутой,
И стиховъ о бояхъ: слишкомъ наивны . . .
Осенній холодъ, дожди, туманы,
Въ окопахъ — мѣсиво жидкой грязи, —
Вздремнуть до атакъ подъ шинелью рваной . . .
А тамъ — пусть пишутъ о нашемъ экстазѣ . . .

А. Дэви.

ИСТОРИЯ БОЛЬШЕВИКОВЪ.

Фельетонъ Аркадія Аверченко.

I. Ужасъ.

Первые дни были днями всеобщаго сплошнаго ужаса, смятенія и скрежета зубоваго . . . Это были дни, когда они, только что проѣхавъ торжественнымъ маршемъ черезъ всю Германію, съ размаху въѣхали въ Россію и съ размаху же осѣли въ особнякѣ Кшесинской.

Вся Россія поблѣднѣла и осунулась.

— Боже, что же будетъ?.. Вотъ оно: начинается! Приѣхали невѣдомые заморскіе люди, проѣхали съ дозволенія германскаго начальства черезъ всю Германію и съ первыхъ же шаговъ показали, что имъ на всю Россію и російскую революцію наплевать съ высокаго балкона.

Приѣхали. — и сразу же въѣхали въ чужой домъ. Конечно, ежели разбирать такъ, по человѣческой логикѣ, то они не имѣли на это никакого права . . . Но, однакоже, въѣхали, и правительство смолчало, — чортъ ихъ знаетъ, можетъ, такъ оно и полагается.

Все было необычно, все страшно: и то, что нѣмцы чуть не на рукахъ донесли ихъ до границы, и то, что они, въѣхавъ, сразу же ограбили мирную, теперь уже частную танцовщицу, и то, что они стали говорить только съ крышъ и балконовъ, и то, что разговоръ ихъ былъ все на одну и ту же тему: нѣмцы, молъ, такіе же люди, какъ мы, а французы и англичане-империалисты, а наши русскіе буржуи этихъ империалистовъ поддерживаютъ и что за это-де русскихъ буржуевъ нужно рѣзать и промывать, а животишки и достатки ихъ обратить въ доходъ рѣжущихъ . . .

И всѣ очень испугались, что такъ будетъ, газеты въ ужасѣ завопили, а Временное Правительство заметалось передъ балкономъ, какъ бѣсъ передъ заутренней или, выражаясь культурнѣе, какъ Мефистофель передъ крестомъ . . .

Блѣдность покрыла всѣ лица, холодный потъ выступилъ на всѣхъ лбахъ, и всеобщее, равное и тайное дрожаніе поджилокъ захватило съ силой и мощностью андижанскаго землетрясенія всю Россію:

— Погибаемъ!

II. Разногласіе.

Послѣ первыхъ дней ужаса мнѣніе о большевикахъ стало раздѣляться надвое:

— По моему, простые жулики, — рѣшалъ одинъ недо-вѣрчивый.

— Это легко сказать, — жулики! А гдѣ у васъ доказательства?! Если они жулики, почему же народъ ихъ такъ слушаетъ? Почему они пользуются такимъ успѣхомъ?

— У кого? — прищурился недо-вѣрчивый.—У народа, по-вашему? Да развѣ это народъ? При такомъ народѣ къ карманамъ нужно висячіе замки привѣшивать. Нѣтъ, продуктивной фруктецъ, эти пріѣзжіе.

— Однако, они же апитируютъ, говорятъ, хлопчутъ, волнуются. Во имя же чего-нибудь они свои идеи несутъ народу?

— Во имя чего? А во имя того, что на войну въ окопы идти не хотятъ! Дѣло простое.

— А тогда зачѣмъ же имъ было пріѣзжать? Сидѣли бы у себя въ Швейцаріи.

— А Вильгельмъ послалъ ихъ для смуты, — вотъ они и пріѣхали. Нѣмецкія-то денежки не пахнутъ! Хи-хи!

— А у васъ есть основаніе такъ говорить?

— Основаній у меня нѣтъ, да я и плевать хотѣлъ на ваши основанія . . .

— Ну, такъ я вамъ скажу, кто вы: вы безответственный хамъ!

— А вы большевистскій прихвостень, нѣмецкая затычка, чтобы васъ холера въ кольцо согнула!

— Послѣ этихъ словъ, — вотъ вамъ моя карточка!

— Хоть десять.

— Драться до первой крови . . .

— Хоть до двадцатой.

— Разстояніе — тридцать шаговъ.

— Хоть тридцать тысячъ!

Эти горячіе споры слышались повсюду, пока не надоѣло. Спорили этакъ съ мѣсяць.

III. Сомнѣніе.

— Ну, что же, — большевики-то ваши, а?..

— А что?

— Хвалилась синица море зажечь . . .

— Да-а . . . Кишка тонка оказалась.

— А говорили, что за ними миллионы.

— Маленькіе!

— Я такъ думаю, что дурацкая это партія. Такъ себѣ, мильный пузырь.

— И, замѣтьте, пузырь, который вотъ-вотъ лопнетъ. А вѣдь какъ горячились!

— А я даже сомнѣваюсь, чтобы они были искренни. Врутъ, передергиваютъ, а когда ихъ звать съ личнымъ — отмалчиваются.

— Да и что-то ужъ слишкомъ подозрительны отношенія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ охранѣ: Черномазовъ, Малиновскій.

— А ихняго Ганецкаго прямо называютъ темной личностью.

— А Радека ихняго называютъ «крадекъ».

— А Зиновьева ихняго прямо въ лицо честятъ «нечестной личностью».

— Гм!.. Все это оч-чень, оч-чень странно.

IV. Юмористическое отношеніе.

Прошелъ въ этихъ сомнѣніяхъ цѣлый мѣсяць.

Надоѣло и это. Кое-кто началъ пересмѣиваться.

Демократизация пляжа и моря.

Когда былъ Николай, Фредериксъ, жандармы и т. д., — финляндскій левъ являлъ примѣръ необычайнаго послушанія.

И какъ быстро перемѣнился характеръ этого животнаго, олицобно называемаго благороднымъ, когда съ нимъ стала разговаривать демократія.

Извозчики понукали своихъ клячъ:
 — Н-но, ты, большевикъ несчастный!!
 Ночныя дѣвушки съ Невскаго плакали другъ другу:
 — Приходить онъ до минѣ, а потомъ уходитъ и даетъ минѣ усега три рубли. «Я, говорю ему, думала, что ты приличный гость у котелкѣ, а ты просто большевикъ выходить!»
 Мальчишки ругались:
 — Вотъ дамъ я тебѣ по шеѣ, большевистская морда!..
 Улица захватала слово, затаскала, заиграла его, какъ Вердѣвскій мотивъ на шарманкѣ.
 Въ солдатскихъ казармахъ иногда среди мертвящей скуки поднимался веселый хохотъ:
 — Братцы, большевика поймавъ.
 — Врешь?..
 — Вѣрное слово. «Имперіалисты», говоритъ, «буржуи», «долгой десятой министровъ-капиталистовъ» — смѣхи!

— А ну, тащи его сюда!
 — Вотъ онъ. Да не брыкайся ты, падаль.
 — Ну, и рожа... А ну представь чего-нибудь.
 — Товарищи! — загорался большевикъ. — Эта буржуазная война навязана намъ имперіалистами, которыхъ поддерживаютъ всѣ наши продажные министры-капиталисты!..
 Раздавался взрывъ хохота сотни здоровенныхъ глотокъ.
 — И Керенскій продажный?
 — И Керенскій, и Церетели!
 — Хо-хо-хо! Ну, и чудачина! Экое откололъ! А плясать можешь?
 — Товарищи! не слушайте вашихъ буржуевъ-офицеровъ! Васъ посылаютъ въ окопы, — не идите!
 — Хо-хо-хо! А ну, еще что-нибудь! Ты намъ насчетъ интернаціонала изобрази!.. Ха-ха! Животики надѣрвешь

съ этимъ народомъ. Михайловъ! А ты все же гляди, чтобы, часомъ, не уперъ онъ чего... А то они: емперлизмъ, да буржуазіатъ, а самъ глазомъ новые сапоги подъ койкой нашариваетъ.

— Товарищи! Вооружайтесь и идите на улицу завоевывать себѣ свобо... .

— Во-во. Оно самое! Только тебя для этого и ждали. Ш-ш-ш!.. Хо-хо-хо!

V. Скука.

— Вы что? Вамъ чего? Да позвольте! Вы почему на столъ лѣзете?

— Товарищи!..

— А-а... говорить хотите? Ну, ладно. Послушаемъ.

— Товарищи! наша имперіалистическая война, поддерживаемая капиталистами и продавшимися имъ министрами Временнаго Правительства...

— Послушайте, дорогой мой! Ну, какъ вамъ не надоѣсть,—все одно и то же, одно и то же. Глупо, скучно, въ зубахъ навязло. Мы тутъ вели серьезный, интересный разговоръ, а вы лѣзете, какъ дуракъ, на столъ и начинаете бубнить какую-то пошлятину. Больше ничего не имѣете сказать? Слѣзайте!

— Товарищи! намъ нужно съ оружіемъ въ рукахъ выйти на улицу и доказать напившимся нашей крови буржуямъ...

— Боже, какое дерево! Это, знаете, господа, есть такіе анекдотисты: расскажетъ онъ какой-нибудь неприличный анекдотъ, — ну, посмѣются, заинтересуются. Такъ онъ обрадуется, еще разъ его расскажетъ, и еще, еще — уже никто и не слушаетъ, вся скучающая публика разошлась, а онъ все свое бубнить. Ну съ, и такъ на чемъ мы остановились?..

И смахнуть большевика со стола, какъ надоѣдливую муху со лба, а онъ потретъ лапками и полетитъ дальше, жужжа какъ муха, въ длинный, скучный, томительный, пыльный июльскій день:

— Товарищи! нашъ буржуазіатъ, поддерживающій войну, навязанную намъ англійскими имперіалистами, наши капиталисты-министры... Ж-ж-ж-ж...

Хорошо въ лѣтнюю истомную жару спать подъ мушиное жужжаніе.

И въ этомъ будетъ конецъ большевизма на Руси.

Арк. Аверченко.

СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ.

Онъ: — Тѣмъ, что часы переставлены на 1 часъ впередъ — Россия сэкономитъ $\frac{1}{5}$ топлива.

Она: — Чудаки! Переставили бы ужъ тогда стрѣлки сразу на 5 часовъ: никакого топлива и совсѣмъ не понадобится!..

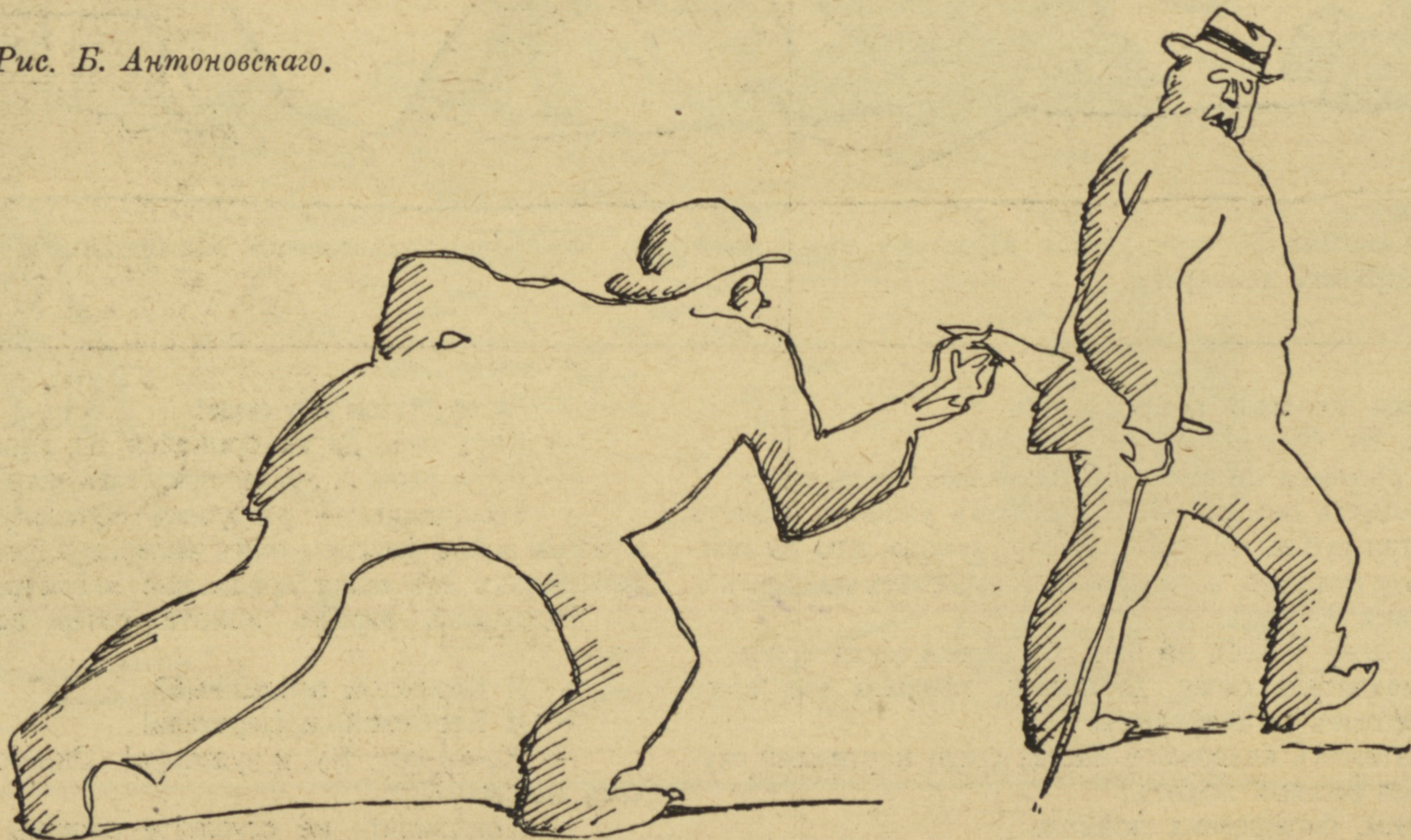
ПРОПИВАЮЩИМЪ ВОЛЬНОСТЬ.

Разрѣшили вино, — пейте!
Но зачѣмъ въ девяносто
Градусовъ,
Когда можно
Просто
Въ сорокъ?
Ну, радуйся,
Играй на флейтѣ,
Заплетай вѣночки изъ миртъ,
Хватить въ сорокъ,
А ты — спиртъ!
И черезъ недѣлю
Въ моргъ.
Черезъ недѣлю.
А въ моргѣ
Попробуй, — узнай Емелю,
Послушай рѣчи
Такого гордаго
Въ хмельномъ восторгѣ,
Узнай, — безмордаго!
По щекамъ что ли,
Сплывшимъ на плечи?
Плечи,
На которыхъ можно было въ неволѣ
Желѣзные балки пнуть,
А на грудь
Граниты взвалить
И бить
Въ щечень,
Огня выбивая золотой гребень...
Пей,
Да дѣло
Разумѣй,
Чтобы голова не балдѣла!
А, ну-ка,
Дѣдъ,
Погляди на внука,
Пошла ли внуку
Воля-наука,
Впрокъ?
Или опять въ бараній рогъ,
Пока не забыли
Имени да отчества,
Да не пропили дочиста
И горлопанъ — полось
И озимыхъ полось,
Добро, до послѣдней онучи,
И святую золотую молнію
Изъ преподобной грозовой тучи.

Валентинъ Горянскій.

ЧЕЛОВѢКЪ НЕ ВЪ КУРСѢ ДѢЛА.

Рис. Б. Антоновскаго.

— Господинъ, вы четвертную обронили... Господинъ!

— Что же вы волнуетесь? Точно серебряный двугривенный подняли...

ПОЧЕМУ ОНЪ НЕ ЯВИТСЯ.

— Эхъ, диктатора бы намъ какого-нибудь!.. Самого маленькаго бы, — мечтали одни, засыпая послѣ тяжелаго трудового дня.

— Нуженъ Наполеонъ! Только Наполеонъ, — грезили другіе.

— Дайте намъ Галифе! — сладко шептали третьи.

«Хоть кусочекъ бы Кавеньяка!» — думали самые скромные.

И вдругъ произошло чудо. Самое настоящее мистическое чудо, о которомъ рассказываютъ старья книги. «Всамдѣлишній мираклъ», — какъ пишутъ провинціальныя передовики.

На углу Невскаго проспекта и Садовой улицы, у входа въ табачную лавку, изъ подъ земли, съ грохотомъ и дымомъ, выскочилъ диктаторъ. Сперва прохожіе не обратили никакого вниманія на стараго генерала въ красныхъ штанахъ и иностранной формѣ. Публика успѣла приглядѣться къ заграничнымъ генераламъ.

— Должно японецъ, — рѣшили извозчики.

— Наемникъ англо-французскаго капитала, — лихо радочно сплонулъ большевикъ.

— Президентъ республики Коста-Рика, — авторитетно сообщилъ элегантный мужчина въ котелкѣ.

— Что вы глупости говорите, — вмѣшался милиціонеръ. — Развѣ вы не видите, что это генераль Кавеньякъ...

— Тотъ, который?..

— Именно. Тотъ самый, который разстрѣливалъ...

— А онъ не умеръ?

— Видите, — воскресъ.

Извѣстіе о прибытіи воскресшаго генерала быстро облетѣло городъ. Газеты помѣстили его портретъ и автографъ, социалистическая печать потребовала его ареста, а бульварныя листки успѣли проинтервьюировать генерала о любимыхъ блюдахъ и о его мнѣніи по поводу увеличенія телефонной платы. На улицахъ собирались многочисленные митинги, выносившіе резолюціи о сверженіи Временнаго Правительства, а исполнительное бюро районныхъ полотеровъ постановило привести генерала къ присягѣ на вѣрность Циммервальду.

Однако всѣ понимали, что означаетъ прибытіе Кавеньяка. Чувствовали, что генераль будетъ стрѣлять. Чувствовали, ждали и трепетали. Красный Крестъ готовилъ санитарныя кареты, городская управа распорядилась поставить на всѣхъ углахъ перевязочные пункты, а владельцы магазиновъ и ресторановъ спѣшно заколачивали ставни. Въ одномъ кафѣ посѣтителы не хотѣли уходить; ихъ окатили горячей водой.

— Безсознательный элементъ... Тутъ стрѣлять будутъ, а онъ сидитъ, какъ вкопанный... Уходите, пожалуйста! Сами знаете, — генераль Кавеньякъ пріѣхали... Стрѣльба будетъ...

Улицы вымерли. Трамвай скрылся. Окна были наглухо закрыты, и только жутко маячили на углахъ санитарныя кареты.

— Солдаты! Сорокъ вѣковъ и сто тысячъ пирамидъ... Согласны?

— Не хотимъ пирамидъ, — мрачно отвѣтилъ полкъ.

— Солдаты! я не о пирамидахъ. Надо стрѣлять. Вы согласны?

Исполнительный комитетъ полка и всѣ ротные и батальонныя комитеты совѣщались до поздняго вечера. Отвѣтъ былъ уклончивый. Большевики и эсъ-эры отказались, меньшевики вынесли компромиссную формулу, энъ-эсы и бундовцы пожелали снестись съ мандатной комиссіей. Не добившись ничего отъ пѣхоты, Кавеньякъ отправился къ кавалеристамъ.

— Солдаты! Докажите, что конница предана порядку больше, чѣмъ пѣхота. Вы будете стрѣлять?

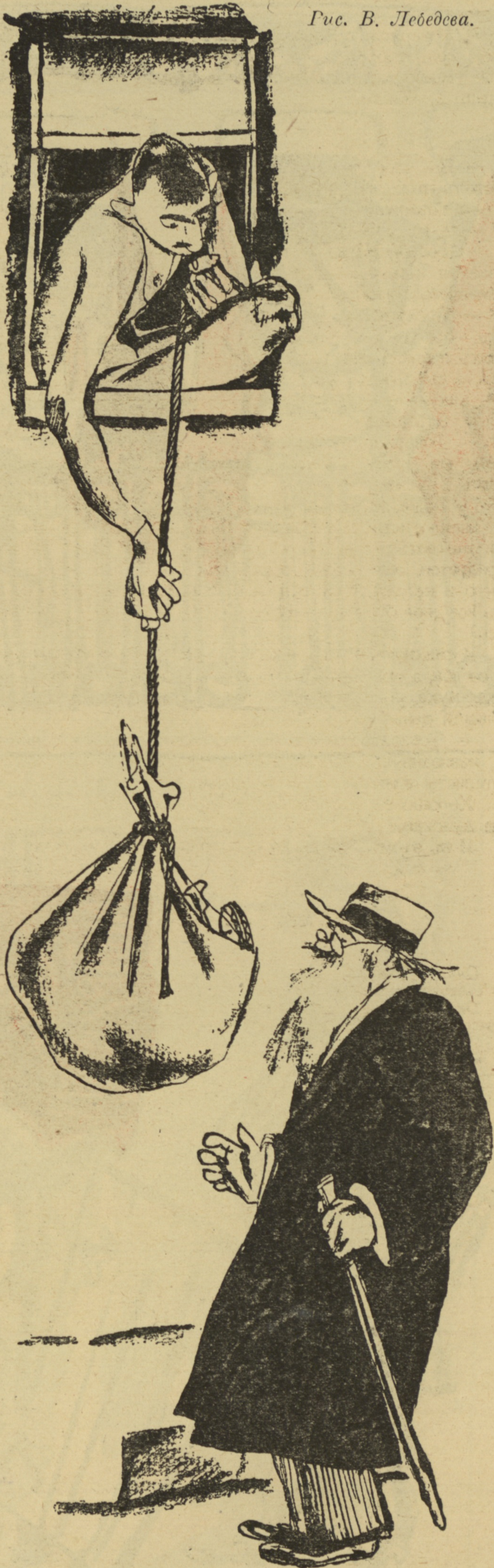
Совѣщаніе кавалеристовъ продолжалось всю ночь. Къ утру два эскадрона выразили было согласіе стать подъ команду генерала, но снова вышла остановка. По предложенію президіума слѣдовало опросить также и лошадей. Была устроена открытая баллотировка выходомъ въ дверь; лошади отказались выступить. Вторичное, поименное голосованіе дало тѣ же результаты.

Генераль Кавеньякъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые падаютъ духомъ при первыхъ же препятствіяхъ, но и онъ поколебался.

— Чортъ возьми!..

АНАРХИСТЪ НА РАБОТѢ.

Рис. В. Лебедева.

— Кто тамъ внизу? Га, Кропоткинъ, — тоже анархистъ... Лови, старикъ, узель, помогай... Свой работаетъ!

„Миръ хижинамъ“. (Особнякъ Кшесинской.)

„Война дворцамъ“. (Выборгская тюрьма.)

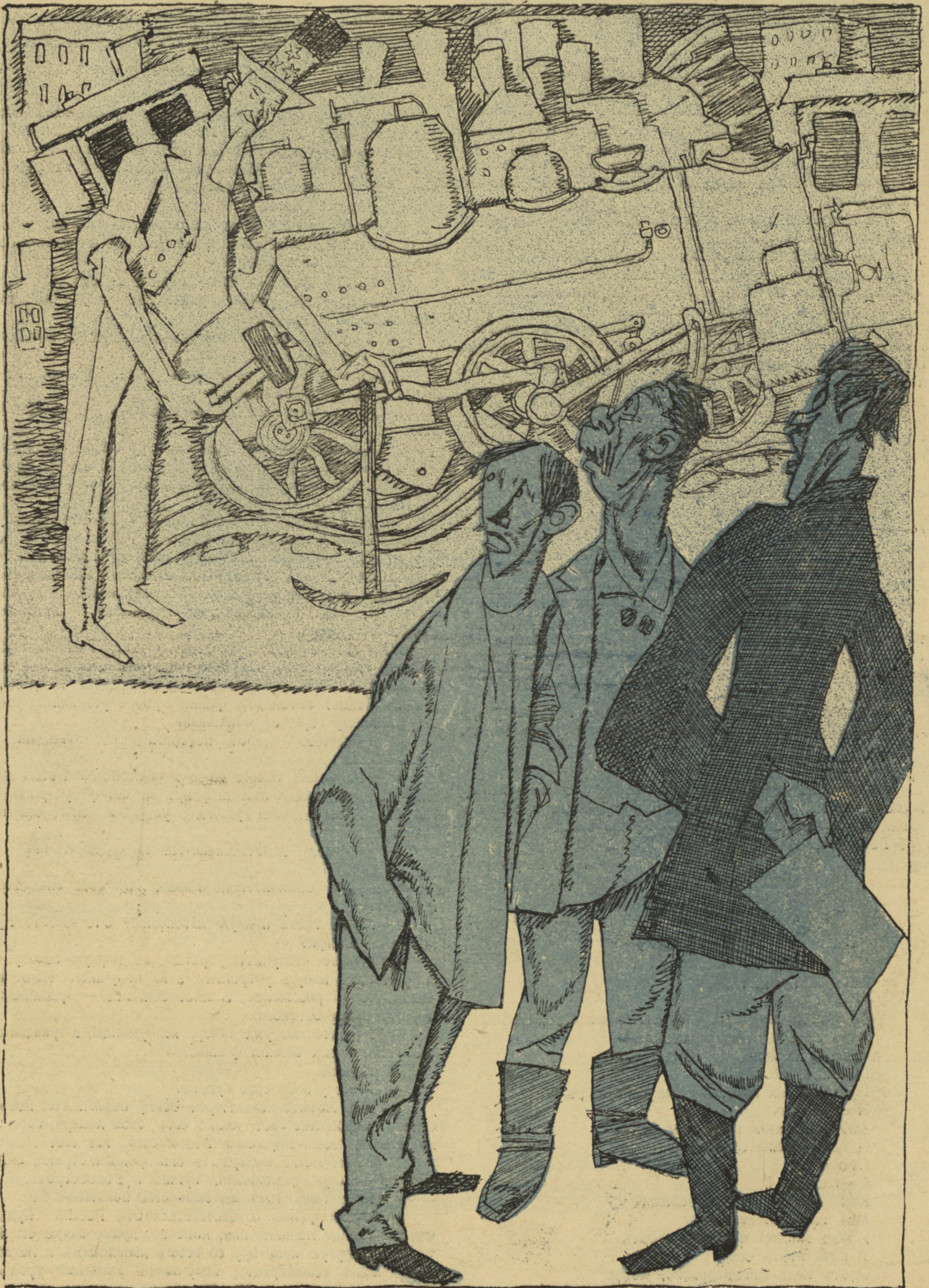

СКРОМНАЯ ПРОСЬБА.

„Группа американских инженеров взяла на себя работу по оборудованию новых жел.-дор. путей и исправлению старых“.

(Из газет.)

рис. А. Радакова

Американец: — Товарищи! Я согласен — работать буду я, а не вы... Но только хоть спорить то стойдите вь другое мьсто...

Цѣлыхъ пять дней генераль объѣзжалъ полки столичнаго гарнизона. Солдаты отказывались выступить. Кавеньякъ впалъ въ уныніе и запилъ.

Поздно ночью къ нему пришла делегація именитыхъ гражданъ.

— Ваше превосходительство! Не порядокъ... Приѣхали, стрѣлять общали, а на дѣль-то—вода, слова одни, олэфъ...

— Не могу... не могу... Ни одного солдата, ни одной лошади... ни одного жеребца...

— Ну, такъ сами стрѣляйте!

На слѣдующее утро Кавеньякъ отправился въ арсеналь; случайные прохожіе съ любопытствомъ разглядывали иностраннаго генерала, вытаскивавшего на улицу тяжелыя пушки. Кавеньякъ разставилъ шесть орудій и приготовился дать залпъ. Санитарныя кареты заняли всѣ углы, а на перевязочныхъ пунктахъ шли лихорадочныя приготовления.

Кавеньякъ лично зарядилъ орудія, но выстрѣловъ не послѣдовало!..

Лѣвофланговое орудіе встало на дыбы и подало генералу письменную резолюцію:

«Мы, шестидюймовыя, легкія, системы «Шнейдеръ-Крезю» орудія, протестуя противъ буржуазной контръ-революціи и требуя мира безъ аннексій и контрибуцій, отказываемся служить буржуазіи». Слѣдуютъ подписи.

Генераль вскочилъ въ пролетку мимо проѣзжавшаго извозчика. День былъ потерянь... Кавеньякъ попробовалъ обратиться къ пулеметамъ, но и пулеметы подали ему протестующую резолюцію, начинающуюся словами: «Мы, полевые, системы «Кольтъ» пулеметы, протестуя...».

Делегація именитыхъ гражданъ посовѣтовала генералу обратиться въ артиллерійскій музей, гдѣ собрано старинное оружіе, котораго, по всей вѣроятности, не коснулась большевистская зараза. Снова случайные прохожіе видѣли, какъ старый генераль въ иностранной формѣ выволакивалъ изъ музея тяжелое оружіе стариннаго образца. Но пустить его въ дѣло не пришлось. Опять генералу была подана резолюція: «Мы, члены большевистской фракціи союза стариннаго оружія, протестуемъ» и т. д. Резолюція заканчивалась: «Смерть буржуазіату! Съ товарищескимъ привѣтомъ исполнительный комитетъ профессиональнаго союза алебардъ и пращей».

Тогда Кавеньякъ выхватилъ изъ кармана револьверъ, направилъ въ толпу и нажалъ курокъ. Но выстрѣла не послѣдовало, а какой-то сдавленный голосъ пробурчалъ. «Мы, меньшевики-интернационалисты, семизаряднаго, новаго типа «Браунинга» патроны, протестуя противъ...»

Генераль Кавеньякъ не слышалъ конца. Раздался ударъ грома, и великій разстрѣливатель провалился сквозь землю.

* * *

На улицахъ попережнему шли митинги, и попережнему неряшливые мужчины съ подвязанными щеками хрипѣли о «войнѣ до полной побѣды надъ буржуазіатомъ».

Вечерѣло. Многіе сходили съ ума.

Бор. Мирскій.

Ш О П О Т О М Ъ.

(У кабинки.)

Вамъ платья не надо,

Наяда,

Въ платки вы старше, въ платки вы строже.

Вамъ быть одѣтой, — безумье!

А въ купальномъ костюмѣ

Вы такъ похожи

На душистый горошекъ, на чайную розу,

И стрекозы

Ошибкой ваши плечи ласкаютъ,

И капли влаги соленой

Стекаютъ

Съ плечъ,

Какъ роса съ травки зеленой.

Мнѣ тогда хочется лечь

У ногъ вашихъ прямо въ песокъ

И пить этотъ сокъ,

Этотъ медъ вашей розовой кожи.

Наяда, вы были въ водѣ на гроздь хмелевую похожи,

На пышную гроздь зеленого хмеля.

Искры солнца дрожали и млѣли

На нашемъ оросненномъ тѣлѣ,

На вашихъ влажныхъ губкахъ.

А теперь на васъ туфли, юбка,

Они скрыли капризы ножекъ

И теперь на душистый горошекъ,

Наяда, вы не похожи.

Лидія Лѣсная.

СПРАВКА О ФИНЛЯНДИИ.

(Летитъ въ учебникѣ.)

Когда былъ еще старый режимъ, финляндцамъ очень хорошо жилось. У нихъ было прекрасное положеніе въ Россіи; они вращались въ обществѣ и свѣтѣ подъ ласковымъ названіемъ веекъ и имѣли право обращаться къ русскому обществу съ лозунгомъ момента:

— Ридцать копеекъ.

Официальная Россія ихъ такъ любила, что даже придумала для нихъ особое имя: чухна. О нихъ отзывались ласково и съ тайной надеждой:

— Будетъ время — чухну вѣшать будемъ.

И когда финны робко спрашивали: почему, имъ отвѣчали коротко и просто:

— А такъ вообще. Мы вамъ покажемъ автономію.

Увидите Кузькину мать.

И финны отходили не совсѣмъ удовлетворенные, но болѣе или менѣе успокоенные:

— Та... Фтаномі... Кузька мать... Ридцать копейк...

И платили русскому правительству самой горячей любовью. Финская марка стоила сорокъ копеекъ, русскіе уѣзжали въ Финляндію только для того, чтобы, приѣхавъ оттуда, говорить:

— Это страна... Это порядки... Это культура. Великая страна. Это тебѣ не Россія.

Иногда выходило даже такъ, какъ будто бы есть громадное государство съ многомилліоннымъ населеніемъ — Финляндія, а около него маленькій паршивенькій кусочекъ съ такими же паршивенькими порядками — автономное княжество Россія.

Если намъ нужны были деньги, финны выжимали какъ мокрую тряпку сырые карманы и вытряхивали золото. Если мы кричали, что Бобриковы жмутъ Финляндію, и требовали для нея полной автономіи, финны кротко улыбаались, сочувствуя нашему горю за Финляндію.

— Та ничево... Мы потерпимъ... Фтаномі... Кузька мать...

И вотъ, послѣ такого мира и спокойствія Россія нанесла Финляндіи предательскій ударъ въ спину: устроила революцію. И въ великой суматохѣ раздался чей-то властный голосъ:

— Товарищи! А Финляндія-то? Автономія-то ея?

— Дать.

Это уже окончательно вывело изъ себя спокойныхъ финновъ.

— Какъ? Намъ полную автономію? Это вмѣсто Кузькиной-то матери?

— Вмѣсто. Получаете, братцы, въ первую голову. Сами уже какъ нибудь устроимся, а вы получайте. Наше дѣло маленькое — российское, а ваше большое — финляндское. Держите вашу автономію.

— Значить, мы уже теперь не чухонцы, а граждане? — возмутились еще больше финны.

— Именно.

— И все у насъ свое будетъ?

— Все. Хотите хоть Персію войну объявляйте. Все свое будетъ. Управление свое, языкъ свой, своя холера, свои землетрясенія, свои «Биржевыя Вѣдомости», все свое...

Этого не могла выдержать благородная страна, создавшая «Калевалу», финляндскій пуншъ и Бѣлоостровъ.

— Разъ такъ, такъ мы вамъ себя покажемъ...

И начали финны откладываться отъ Россіи. Будь бы Финляндія еще меньше, она, конечно, прямо могла бы переѣхать на другую квартиру со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ, какъ семинаристъ, получившій выгодный урокъ на другомъ концѣ порога. Но Финляндіи, пережившей столько сладкихъ минутъ дружбы со старымъ русскимъ правительствомъ, не захотѣлось покидать мѣста, дорогого по воспоминаніямъ. Осталась.

ГИБЕЛЬ ГИБЕЛИ РОЗНЬ.

Рис. Б. Антоновскаго.

Такъ погибла Помпея (по разсказу очевидца Брюллова).

Такъ погибаетъ Петроградъ.

Начали бороться съ дачниками. (Коренное население Финляндіи, въ противоположность пришлому — туземцамъ). Хотѣли предать потоку и разграбленію дачныя мѣста, но послѣ сравнительно быстрого подсчета выяснилось, что на шестьсотъ одиннадцать дачниковъ, не считая прислуги, приходится одинъ кривой финнъ и приемышъ 32 лѣтъ, а такъ какъ приемышъ жить въ Россіи, то коренное население ничего съ русскими подѣлать не могло. Тогда стали ронять русскій рубль. Съ недавняго времени русскій рубль вообще сдѣлался симпатичнымъ, но погибшимъ созданиемъ, и уронить его достоинство оказалось очень легко.

Для этого стоило только объявить, что финская марка стоитъ 1 руб. 10 коп., и рубль, сконфузившись, упалъ. Именно въ этотъ моментъ Россія и обратилась къ Финляндіи за деньгами.

— Много васъ тутъ Россіи ходитъ, — цыкнули финны, — идите дальше. Прямо, а потомъ налѣво.

Группа меньшевиковъ надѣла бѣлые цилиндры, взяла въ руки факелы и поѣхала упрашивать.

Туалетъ оказался подходящимъ, такъ какъ Финляндія вообще была увѣрена, что послѣ ея откола Россія должна умереть. Династія дачниковъ начнетъ вырождаться, за рубль не только перестанутъ что-нибудь давать, но просто, встрѣтивъ человѣка съ рублемъ, будутъ избивать его тутъ же на улицахъ самосудомъ . . .

— Вы къ намъ? — спросили финскіе эсдеки.

— Къ вамъ, — честно отрѣзали правду-матку русскіе.

— За деньгами?

— Одному изъ насъ просто хотѣлось Иматру посмотреть, а вообще — да. За деньгами.

— Обезпеченіе?

— Россія. Республика. Равное, всеобщее, прямое . . .

— Мало.

— Штюрмеровъ у насъ нѣтъ, конечно . . . Подъ Сухомлинова братъ не можемъ . . .

Финляндцы подумали и пожалѣли.

— Жаль. Подъ Штюрмера это мы давали. Вѣрное дѣло было . . . И Сухомлиновъ — вѣрное. Потрудитесь уѣхать.

На вокзалѣ, когда русскіе делегаты уже сѣли въ вагонъ, прибѣжалъ запыхавшійся финнъ и закричалъ:

— Та забыли . . . Пакажъ забыли . . .

— Что еще забыли?

— Солдаты ваши . . . Армію въ Финляндіи забыли . . .

Онъ кусать хосеть, кусать не дадимъ . . .

Уѣхали русскіе делегаты. А сбоку за поѣздомъ бѣжали финны и что-то весело пѣли.

— Это они о чемъ? — спросилъ Гегечкори.

— Такъ, что-то автономное поють.

— Оригинальное?

— Припѣвъ свой, а текстъ съ нѣмецкаго переводъ . . .

И пройдутъ года. Настанетъ мирное время, расцвѣтетъ Финляндія, освободившаяся рукой революціи отъ царскаго ига. Будетъ у ней все свое — и правленіе, и языкъ, и обычай, и единственно, его не будетъ у ней — это національной гордости. Потому что, когда финскія дѣти подрастутъ и спросятъ у своихъ родителей:

— Папа, а что дѣлала Финляндія, когда свободный русскій народъ первое слово произнесъ о ея свободѣ?

Тогда покраснѣетъ старый финнъ и ничего не отвѣтитъ. И хорошо сдѣлаетъ. Объ этомъ лучше не стоитъ рассказывать.

Арк. Буховъ.

С Е Б Ъ.

Молчи!

Слова земли

Для тѣхъ, кто ищетъ правду —

Мечи,

И корабли

Одни пристойны аргонавту.

Рабу

Своимъ оковамъ

Возможно посылать проклятья.

Борьбу

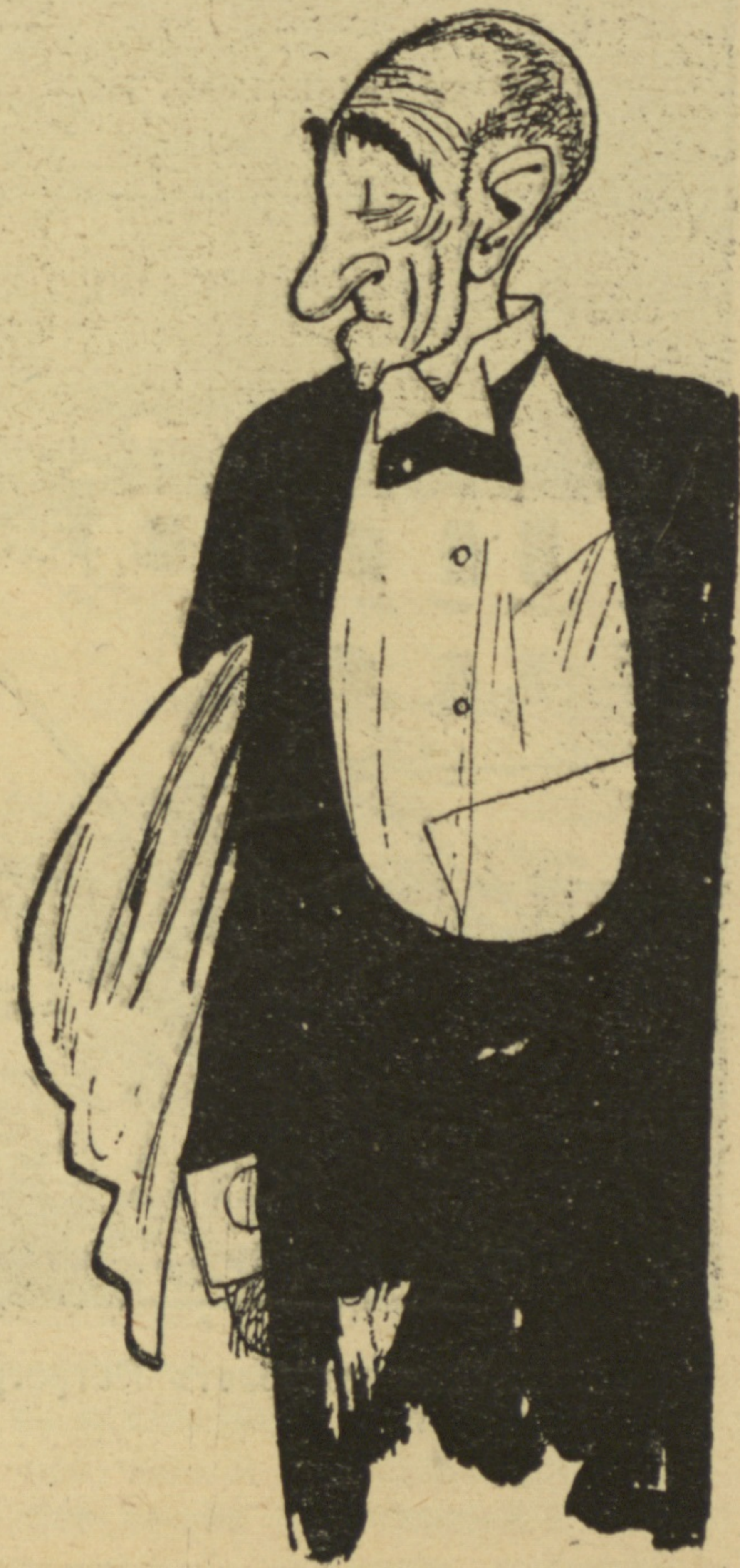
Какимъ же словомъ

Своимъ дерзну благословлять я?

Ал. Вознесенскій.

ПРИБЛЖЕНІЕ КЪ БУРЖУАЗНОСТИ.

Рис. Ре-ли.

— Человѣкъ! Шинпанскаго и сѣбячкя!

Вышла въ свѣтъ новая книга:

АРКАДІЙ ДВЕРЧЕНКО

ПОДХОДЦЕВЪ И ДВОЕ ДРУГИХЪ

Повѣсть въ 2-хъ частяхъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Просто, какъ палець.

Такъ въ „Русской Волѣ“ очень кратко, но изумительно вѣрно формулируютъ политическую платформу большевиковъ:

Съ удивленіемъ читаешь въ отчетѣ засѣданія Съѣзда Советовъ: „Большевикъ такой-то въ оправданіе поступка 18-го іюня сказалъ: „Немного пограбить буржуазію, я въ этомъ ничего не вижу“.

Замѣтьте: даже не все ограбить, а немножко пограбить... Въдь это — политическая программа цыгана изъ стариннаго разсказа: „кабы я царемъ былъ, я бы сто рублей украсть и утекъ“.

Вся разница между большевикомъ и цыганомъ та, что большевикъ стремится быть не царемъ, а президентомъ... И украсть онъ хотѣлъ бы не сто рублей, а тысячу.

Веселые дни Расплюева.

Бываетъ наглость до того неожиданная, что при столкновеніи съ нею не знаешь даже что сказать — просто разсмѣешься:

На ряду съ ходатайствами, поступившими отъ различныхъ предпріятій, работающихъ на оборону, объ отсрочкахъ по предстоящей мобилизаціи служащимъ и рабочимъ, на этихъ дняхъ въ комитетъ объ отсрочкахъ разсматривалось ходатайство редакціи газеты „Правда“ составъ коей состоитъ почти сплошь изъ военнообязанныхъ.

„Правда“, работающая на оборону.

Такъ-то оно такъ. Только немножко наоборотъ: „Правда“ работаетъ на нѣмецкую оборону.

И поэтому ходатайство свое оборонцы изъ „Правды“ должны направить не въ русскій, а въ германскій комитетъ по отсрочкамъ.

Кронштадтскіе преступники.

— А что, этотъ человекъ, кажется, очень низкая личность?

— Что вы! Это очень гордый, самолюбивый человекъ.

Такой разговоръ можно услышать гдѣ угодно...

А вотъ Кронштадтъ смотритъ на гордость и самолюбіе иначе:

Слѣдственной комиссіей слушается дѣло прапорщика 1-го балтійскаго штаба Афанасьева, арестованнаго въ дни революціи.

Обвиняемый производитъ впечатлѣніе мальчика; ему всего 19 лѣтъ, а на видъ и того меньше.

Никакихъ серьезныхъ обвиненій Афанасьеву не предъявлено.

Въ обвинительномъ актѣ, составленномъ командой, сказано лишь: „Самолюбивый и гордый“.

Вотъ ужасъ! Прямо таки, человекъ-звѣрь!

Однако мы того мнѣнія, что за эти преступления всю благородную Англию нужно въ тюрьму заточить.

Потому что, какъ извѣстно, весь британскій народъ:

— Самолюбивый и гордый.

Однакоже ничего. Пока что — живутъ.

Новый видъ спорта.

Въ берлинскомъ „Луна Паркъ“ одинъ изъ любимыхъ аттракціоновъ — катанье въ бочкѣ. Кажется, за одинъ рейсъ берутъ одну марку. Въ Петроградѣ, несмотря на низкій курсъ рубля, за такое же катанье не берутъ ни одной копейки и дѣлаютъ это охотно и добровольно.

На Васильевскомъ островѣ при осмотрѣ мясной лавки было обнаружено мясо съ червями. Дежурившая у лавки въ очереди публика пришла при видѣ сгниваемаго мяса въ такую ярость, что схватила торговца, бросила его въ бочку и стала катать во улицѣ, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока не вмѣшались воинскіе чины.

Если и власти ограничатся только катаніемъ такихъ субъектовъ, хотя бы и послѣ прихода воинскихъ чиновъ, будетъ очень жалко. Любишь кататься, люби и бочечку возить.

Гражданинъ.

Одинъ зоологъ говоритъ, что русскіе ужи и коровы очень добродѣтельны. Къ этой компаніи нужно прибавить еще буржуазныя газеты, которыя съ чувствомъ глубокаго умиленія оповѣщали населеніе о радостномъ событіи, что

какъ нынѣ выяснилось, подписка бывшаго императора и его семьи на заемъ Свободы не превыситъ 500.000 р. Подписка будетъ произведена черезъ петроградскую контору Государственнаго банка.

Будущій историкъ напишетъ: о займѣ Свободы говорили такъ долго и такъ популярно, что на него подписался даже бывший императоръ.

Искусство для демократіи.

Искусство, конечно, не должно быть слугою только буржуазіи. Нужно и демократію заставить уважать и цѣнить его, но для этого необходимо нѣсколько другіе приемы подхода, чѣмъ тѣ, какіе по свидѣтельству „Новой Жизни“ — были употреблены при постановкѣ „Гамлета“ для рабочихъ:

Сцена, въ обычномъ для насъ смыслѣ слова, отсутствовала: ее замѣняетъ широкая лѣстница, которая, низкимъ концомъ упираясь въ узкій просценіумъ, служитъ естественнымъ возвышеніемъ тронной залы и замыкается широкими ковровыми драпировками.

Искушенный въ модернистскихъ постановкахъ интеллигентный человекъ, конечно, сразу пойметъ, что онъ сдѣлался жертвой новыхъ исканій, извинится передъ сосѣдомъ по креслу и пойдетъ въ кинематографъ, но позвать рабочаго и дать ему опытъ удачной и неудачной бѣготни по лѣстницѣ — это не хорошо.

Счастье режиссера, что среди рабочихъ навѣрное преобладали меньшевики и плехановцы — эти все стерпятъ. Большевики — тѣ непременно побили бы.

Сокращенное.

Макс. Горькій совершенно справедливо замѣчаетъ что:

на ночныхъ митингахъ улицы пламенно обсуждаются самые острые вопросы момента, но почти не слышно личныхъ оскорбленій, рѣзкихъ словъ, ругательствъ.

Въ газетахъ — хуже.

„Подлецы“, — пишетъ Биржевка

по адресу какихъ-то людей не согласныхъ съ нею. Слова — воръ, мошенникъ, дуракъ, — стали вполне цензурными словами; слово „предатель“ раздается столь же часто, какъ въ трактирахъ стараго времени раздавался возгласъ — „человѣкъ“.

Правильно. Если упрощеніе правописанія происходитъ болѣе или менѣе медленно, то упрощеніе произношенія идетъ быстрыми шагами впередъ. Если раньше требовалось сказать: человекъ, который кончилъ университетъ въ 1911г. — теперь говорится прямо: буржуй. Впрочемъ и наоборотъ. О чемъ раньше говорили кратко и вразумительно: скотина — теперь произносится: человекъ, который полагаетъ, что для блага Россіи необходимо кончить войну въ 1924 году, а сейчасъ временно перейти къ монархіи, для водворенія порядка на улицахъ, по которымъ я ѣзжу въ театрѣ.

Импортёры.

Въ Стокгольмѣ какой-то Клейнъ ловилъ русскихъ, ѣдущихъ на родину, и предлагалъ имъ для распространенія германофильскія воззванія и много другихъ вещей. Между прочимъ

кромѣ этого, Клейнъ просилъ провезти въ Россію нѣкоторое количество русскихъ поддѣльныхъ бумажныхъ размѣнныхъ знаковъ. Эти знаки (т. е. марки) были поддѣланы очень хорошо. Лицевую сторону нельзя отличить отъ настоящей. На обратной сторонѣ, вмѣсто словъ хождение и т. д., напечатаны слова: „имѣть такую же цѣнность, какъ лопнувшая серебряная валюта“, и т. д.

Очевидно этотъ самый Клейнъ думалъ, что это единственная шутка, которая можетъ развеселить русское общество. Благодаря стокгольмскимъ теплымъ ребятамъ, перекочевавшимъ туда изъ разныхъ мѣстъ, на нашемъ рублѣ за границей читаемъ точно такую же фразу, хотя она и не напечатана...

Счастливыи островъ и несчастные мы.

Новую Зеландію называютъ счастливымъ островомъ. Ошибка это. Несчастливая она, по сравненію съ Гутуевскимъ островомъ, находящимся чуть ли не въ центрѣ Петербурга. При обыскахъ на этомъ островѣ:

среди прочаго скрытаго товара, главнымъ образомъ, сукна, кожъ, вина, одеколона и консервовъ, были обнаружены залежи прятаннаго мяса, муки, окороковъ, сахара и варенья.

На Гутуевскомъ островѣ, между прочимъ, были обнаружены въ большомъ количествѣ мѣдъ, мѣдная монета и металлы, шампанское и вина.

Вотъ-бы кому объявить войну Германіи — Гутуевскій островъ долге бы продержался. Удивляемся, какъ это онъ еще не отложился отъ Петрограда. Съ такими припасами да не начато самостоятельной жизни...

Ошибочка.

Каждый по-своему смотритъ на событія. Человекъ, который наѣхалъ на другого, иногда сердится не меньше, чѣмъ тотъ, на котораго наѣхали.

— Тише, чортъ телячій... Валяется тутъ подъ колесами, только задерживаетъ...

Анархисты, захватившіе на поддержаніе „Русскую Волю“, считаютъ что во всемъ этомъ дѣлѣ была только одна вообще ошибка.

Представитель Совѣта Р. и С. Д. анархистъ Блейхманъ сдѣлалъ докладъ по поводу захвата анархистами „Русской Воли“ и указалъ, что анархисты совершили большую ошибку, не удержавъ въ своихъ рукахъ типографію, по крайней мѣрѣ, до слѣдующаго утра. Къ этому времени, — заявилъ Блейхманъ, — намъ на помощь могли бы подоспѣть шедшіе тогда съ заводовъ рабочіе и преданные намъ солдаты, и типографія, которую мы хотѣли передать въ общее пользованіе всѣхъ социалистическихъ партій, очутилась бы въ нашихъ рукахъ.

— Скажите, это вы вотъ этого старичка прирѣзали?

— Я, я... И какой я негодяй, и какой я подлець...

— Каетесь?

— Еще какъ. Старичка-то прирѣзалъ, а старушку съ двугривеннымъ въ карманѣ выпустилъ...

Паденіе дома Уэшерова.

Не везетъ послѣднее время большевикамъ-правдистамъ.

1) „Биржев. Вѣд.“ назвали ихъ... (см. выше.)

2) Заславскій назвалъ Зиновьева нечестнымъ человѣкомъ.

3) Заславскій назвалъ Ганецкаго мошенникомъ.

4) „Рѣчь“ назвала яраго заступника Ганецкаго польскаго большевика К. Родека — воромъ, сутенеромъ и поддѣльвателемъ. А поляки, по словамъ газеты, называли его еще короче: „Крадекъ“.

У Эдгара По есть даже рассказъ подъ названіемъ:

„Паденіе Дома Уэшеровъ“.

Не аккуратное ношеніе платья.

О томъ, какъ быстро изнашивается форменная одежда въ наше тревожное время, свидѣтельствуеетъ протоколъ о собраніи служащихъ столичнаго телеграфа:

Были уже намѣчены кандидатуры. Но часть собранія считала этихъ кандидатовъ непригодными.

Начался шумъ. Тщетно секретарь министра почтъ и телеграфовъ И. И. Зайцевъ пытался внести успокоеніе. Его не слушали.

Завязались отдѣльные горячіе споры, во время которыхъ у чиновника 10-й экспедиціи Суворова оборвали рукавъ пиджака.

Мы твердо увѣрены, что виновникъ несчастнаго случая извинялся:

— Помилуйте, да развѣ же я зналъ, что рукавъ отрываю... Я думалъ, что голова...

На уравнительныхъ началахъ.

Новый строй оказался крайне жестокимъ къ проповѣдямъ свободы любви. Несмотря на легкость, съ какой собираются цѣлыя партіи около одного неосторожнаго человѣка, ни Санину, ни героямъ Каменскаго не удалось бы сейчасъ даже пройти въ районную думу, не только что въ Учред. Собр. — до того мало было бы ихъ вліяніе среди демократическихъ круговъ.

„Черноморская Газета“ въ Чемѣшнѣ, составленной по принципамъ новаго мануйловскаго правописанія — сообщаетъ о такомъ фактѣ:

На дняхъ на Мефодиевскомъ поселке состоялось довольно многолюдное собраніе солдатокъ, „постановившихъ“, чтобы оставшіеся въ тылу мужья были общими, и правильно распределялись между законными женами и солдатками. О собраніи этомъ знали немногие. Мы, по понятнымъ причинамъ, воздержались отъ преданія гласности этого „постановленія“. Но 3-го июня произошло событие, после котораго весь городъ заговорилъ объ этомъ несуразно циничномъ требованіи.

Въ субботу 3-го июня, рано утромъ, на городскомъ базаре боль-

шая толпа женщинъ окружила присяжн. поверен. М. Г. Зильберминца и стала упрекать его въ томъ, что онъ агитируетъ за общность мужей. Не стесняясь того, что г. З. былъ съ дамой, женщины не стеснялись въ выраженіяхъ. Г. З. требовалъ, чтобы указали свидетелей, но въ толпе таковыхъ не оказалось. Возмущенныя, одне за своихъ мужей, другія солдатки за свою честь, наседали на г. З., хватили его за лацканы пальто, обвиняя въ томъ, что онъ является виновникомъ вышеприведеннаго постановленія. Кончилось темъ, что толпа потребовала, чтобы г. З. былъ отправленъ подоспевшимъ милиционеромъ въ городскую комиссаріатъ.

Тутъ повидимому даже система уравнительнаго распределенія никого не привлекла.

К Л Я Т В А.

Когда сѣдой невольникъ Ратвъ
 Былъ обращенъ въ святую вѣру,
 Онъ бросилъ въ море бога жатвъ
 И многогрудую Цереру.

И клятву далъ, что съ этихъ поръ
 Онъ не придетъ на берегъ моря —
 Къ богамъ, которыхъ дѣтскій взоръ
 Любилъ и звалъ въ минуты горя.

Однажды къ берегу присталъ
 Учитель, старецъ изъ Мессины,
 И ночью Ратва увидалъ —
 Въ слезахъ, простертымъ у пучины.

Когда же рабъ вскочилъ, скорбя,
 Учитель тихо молвилъ Ратву:
 «Благодарю, мой слнъ, тебя
 За то, что ты нарушилъ клятву».

Ал. Вознесенскій.

Редакторы: { Арк. Буховъ.
 А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

Вышелъ № 1 органа памфлетовъ:

„ЭШАФОТЪ“

Подъ редакціей Петра Пильскаго.

„Онъ будетъ выходить въ дни именинъ
 Глупости и Безчестія“

СОДЕРЖАНІЕ № 1:

Отъ редакціи — Двуглавый орелъ. Петра Пильскаго — Гибель Чичиме. А. Куприна — Безуміе или предательство? Вас. Ив. Немировича - Данченко — Молитва Республикѣ. Felix'a Руат — „Моя свобода“, 3 стихотворенія. Александра Рославлева — Въ Румыніи. Д. Айзмана — Анархисты? Или? Аркадія Аверченко. — Стихотворенія. Валентина Горянскаго.

Рисунки: А. РАДАКОВА, Н. РЕ-МИ, В. ЛЕБЕДЕВА.

Издательство: „Новый Сатириконъ“.

Редакторъ: Петръ Пильскій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

5-я годъ
изданія.

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-я годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 10 руб., съ пересылкой и доставкой 11 руб., на полгода 5 руб. 50 коп., на 1 мѣс. 95 коп.

ЦѢНА за объявленія — непарель 1 строка 1 руб.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

РОМАНЪ ЛЕНИНА И РОССІИ.

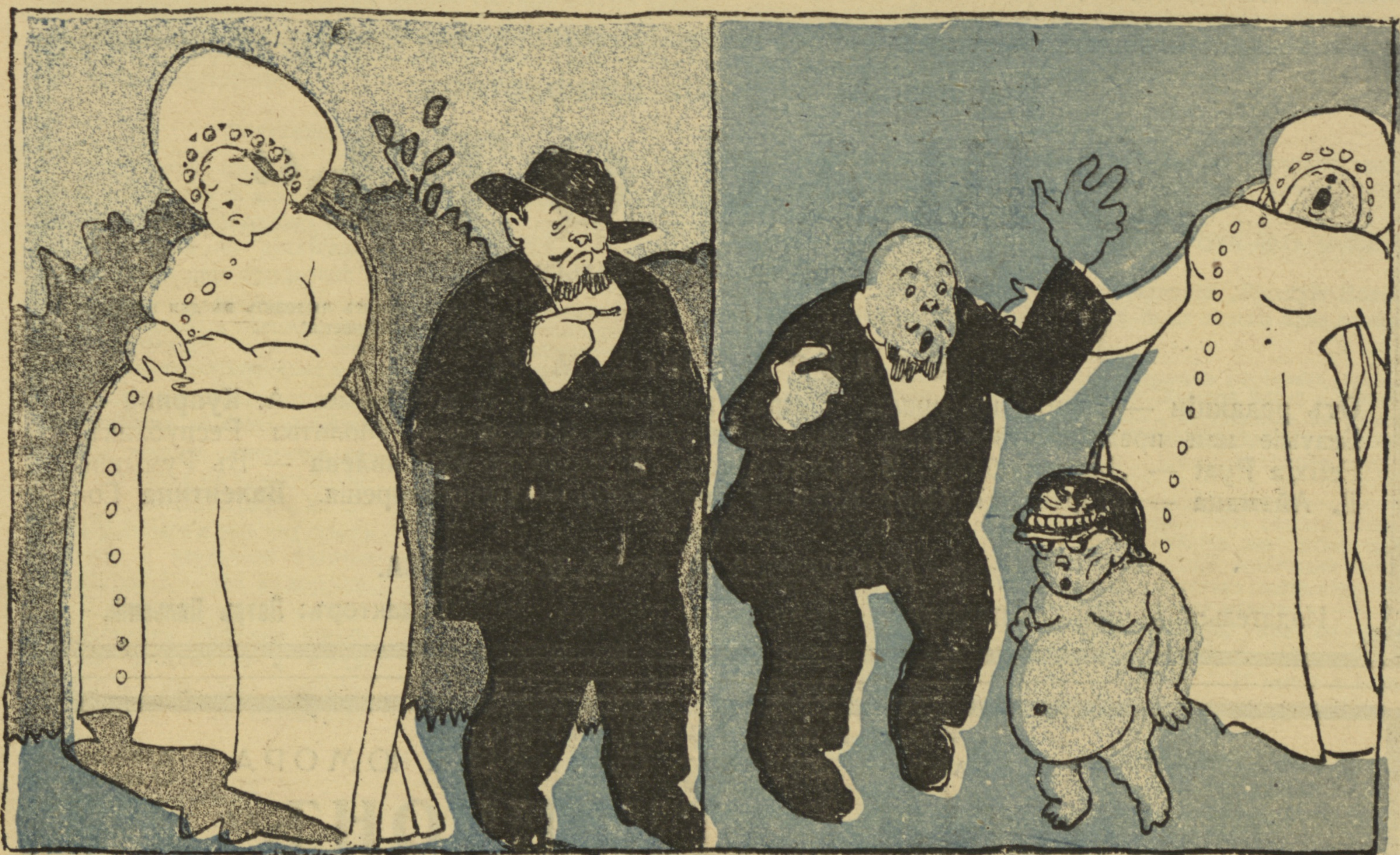
(Въ четырехъ непріятныхъ частяхъ.)

Рис. Б. Антоновскаго.

Напѣваетъ.

Дѣйствуетъ.

Добился.

Семейная радость.